

ОТЗВУКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ И. В. СТАЛИНА И Н. С. ХРУЩЕВА

Статья посвящена изменениям курса религиозной политики советского государства в период правления И. В. Сталина и Н. С. Хрущева в 40–60 гг. XX в. и отражению этих перемен в общественном сознании. Автор рассматривает религиозную политику этих двух лидеров советского государства в проекции решений религиозного вопроса Временным Правительством и Советом Народных Комиссаров в 1917–1918 гг.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозная политика, церковно-государственные отношения, советское государство, Поместный Собор, марксистско-ленинская идеология, коммунизм.

Идейно-практическое наследие двух революций 1917 г.: февральской и, в особенности, октябрьской в отношении Русской Православной Церкви находило свое отражение в 50–е гг. «Новый» сталинский курс (1943–1953 гг.) во многом опирался на достижения февральской буржуазно-демократической революции. Однако все уступки государства, хотя и носили характер последовательной прагматической политики вождя, не предусматривали предоставления Русской Православной Церкви подлинной свободы в советском государстве.

Борьба с религией и Русской Православной Церковью (1958–1964 гг.), развернутая Н. С. Хрущевым и молодой плеядой государственно-партийных деятелей, была возвратом к наследию революционного октября. Она занимала важное место в процессе ликвидации «культу личности» и «сталинских отступлений» от ленинских принципов общественного и государственного развития. Решающим фактором возникновения курса на уничтожение Русской Православной Церкви стала политическая установка КПСС на строительство в СССР коммунистического общества, превратившаяся в грандиозную иллюзию периода «оттепели».

Февральская революция 1917 г. привела к изменению государственного строя и, как следствие, – к кардинальным переменам церковно-государственных отношений в России. Временное Правительство, провозгласив своим постановлением «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. независимость гражданских и политических прав от принадлежности к вероисповеданию, стало проводить политику постепенного вытеснения Православной Церкви за пределы государственной жизни. Например, новая власть сделала попытку ограничить обязательное преподавание Закона Божьего в светских учебных заведениях, что вызвало недовольство в церковных кругах [16, с. 450]. Постановлением от 20 июня 1917 г. были переданы Министерству просвещения все приходские школы Православной Церкви, построенные на средства казны и на частные пожертвования [9, с. 94].

В то же время Временное Правительство на волне революционных преобразований и демократических перемен всемерно способствовало освобождению Православной Церкви от диктата государства и восстановлению ее канонического

стройка. Созыв Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. продемонстрировал торжество соборного начала в жизни Русской Церкви. Его закономерным итогом стало упразднение Синодального управления и восстановление института Патриаршества [7, с. 5–7]. Эти преобразования в жизни Российской Православной Церкви были революционными, открывавшими огромные перспективы в развитии церковной жизни при условии сохранения стабильных церковно-государственных отношений. 21 ноября /4 декабря 1917г. Православная Церковь в России вновь обрела своего Первосвященителя – Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина). Благодаря деяниям Поместного Собора произошло возрождение соборности на всех уровнях церковного управления – от высшего до епархиального и приходского. Решения Поместного Собора коснулись всех сфер жизни Церкви и дали толчок к долгожданному подъему церковной активности духовенства и мирян.

Октябрьская революция 1917 г. привела к власти большевистские правительство, не скрывавшее своего негативного отношения к Православной Церкви. Религиозная политика большевиков была направлена на искоренение религии и уничтожение Православной Церкви как оппозиционной организации. Первые антицерковные акции большевиков преследовали цель – лишить Православную Церковь ее материального обеспечения. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров (СНК) «О земле» от 8 ноября 1917 г. церковные структуры и приходское духовенство лишались права собственности на землю. Декретом «О земельных комитетах» от 17 декабря все сельскохозяйственные земли, «включая и все церковные и монастырские», объявлялись национализированными государством. 24 декабря 1917 г. появился Декрет СНК «О передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения».

Советское правительство декларировало светскость государства и «свободу совести» граждан советской республики. 18 декабря 1917 г. был опубликован Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях, и о введении актов гражданского состояния», признававший юридически недействительным церковный брак. В январе 1918 г. Декретом СНК был ликвидирован институт военного духовенства, отменены все государственные дотации и субсидии Православной Церкви и духовенству. 20 января 1918 г. был принят Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», более известный под другим названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этот юридический акт объявлял национализацию церковного имущества и ставил Российскую Православную Церковь в жесткие ограничительные рамки. Согласно новому закону, церковные структуры теряли право юридического лица, лишались собственности и права ее приобретать. Все необходимое для совершения богослужений: храмы и церковную утварь Церковь была должна получать от государства на условиях «бесплатного пользования». Деятельность Православной Церкви рассматривалась как частное предпринимательство и, соответственно, облагалась налогом [3, с. 40–44].

В 20-30-е гг. вышеперечисленные «ленинские» революционные Декреты не утратили свою юридическую силу и служили надежной основой для совершенствования советского законодательства в области религии, которое по своей сути по-прежнему носило антицерковный характер. Так, Постановление ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. было направлено на окончательное вытеснение религиозных объединений из общественной жизни страны. Теперь

им было запрещено заниматься любой внебогослужебной социально-полезной деятельностью, особенно благотворительной, которая способствовала созданию позитивного общественного мнения о духовенстве и верующих. Постановление ставило в униженное положение духовенство, которое более не могло состоять в органах управления религиозных объединений. Священники выступали в роли наемников у 20-ки граждан, составлявших основу религиозного объединения [15, с. 243].

В 40–50 гг. религиозная политика советского государства претерпевала zig-zag, возвращавшие ее к идейно-практическим традициям то февральской, то октябрьской революций. Парадоксально, но отзвуки «февраля» ясно прослеживаются в религиозной политике И. В. Сталина военного и послевоенного времени. После жесточайших антирелигиозных гонений 30–х гг., поставивших Православную Церковь на грань физического уничтожения как социального института, в годы Великой Отечественной войны руководство советского государства во главе со Сталиным начинает проводить политику так называемого «нового» или «прагматического» курса, направленную на нормализацию церковно-государственных отношений. По мнению Б. А. Филиппова, появление «нового курса» было вызвано желанием советского руководства произвести благоприятное впечатление на западных союзников на стадии завершения переговоров об открытии второго фронта [18, с. 411]. Историк М. В. Шкаровский среди основных причин, подвигнувших И. В. Сталина и его ближайшее окружение к нормализации церковно-государственных отношений, называет активную патриотическую деятельность подавляющего большинства духовенства и мирян [20, с. 200].

Васильева О. Ю. связывает наступившие перемены с далеко идущими планами И. В. Сталина переустройства послевоенной Европы. В 1943 г., когда фронт начал двигаться на Запад, положение Советского Союза на международной арене резко изменилось. Уже рождались геополитические планы вождя на послевоенный период, в которых Русской Православной Церкви отводилась роль проводника государственных идей и консолидирующего центра православных народов Восточной Европы. Создание грандиозной системы православного единства Автокефальных Церквей под эгидой Московской Патриархии в духе древней имперской парадигмы «Москва–третий Рим» виделось Сталину мощным ударом по Ватикану и римско-католической идее возникновения конфедерации Придунайских стран [4, с. 150–156].

Официально о начале «нового курса» было объявлено на знаменитой «кремлевской встрече» руководства советского государства с ведущими церковными иерархами. В ночь с 4 на 5 сентября делегация Московской Патриархии в составе митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского), Николая (Ярушевича) прибыла в Кремль, где была принята И. В. Сталиным. На встрече присутствовали заместитель Председателя СНК В. М. Молотов и полковник госбезопасности Г. Г. Карпов.

В течение двух часов митрополиты обсуждали со Сталиным прежде неразрешимые в условиях советского государства церковные проблемы. Главным из них был вопрос о церковном управлении. Вождь дал согласие на легализацию центрального руководства Церкви – образование Священного Синода в составе 5–6 архиереев, созыв Архиерейского собора и избрание на нем Патриарха с титулом «Патриарх Московский и вся Русь».

Правительство согласилось на открытие в ряде епархий православных храмов, воссоздание системы подготовки кадров священнослужителей (открытие пастырско-богословских курсов, духовных семинарий и академий). Сталин выразил готовность оказать Патриархии материальную помощь в виде денежных субсидий. Встреча завершилась уведомлением иерархов о создании в ближайшее время специального государственного органа – Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР и назначении на должность его председателя полковника госбезопасности Г. Г. Карпова. (Государственный архив Российской Федерации – далее ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-7).

Таким образом, Русской Православной Церкви предстояло пережить возрождение, инициированное по воле советского правительства. Эти сталинские преобразования были, поистине, революционными и удивительно напоминали шаги, предпринятые в недолгие месяцы пребывания у власти Временного Правительства: восстановление высшего церковного управления в лице Патриарха и Синода, активизация соборной деятельности Русской Церкви, учреждение министерства вероисповеданий, оказание политического и финансового содействия Церкви в осуществлении запланированных мероприятий.

Интересна установка И. В. Сталина, данная Г. Г. Карпову перед назначением на должность Председателя Совета: «Подберите себе 2–3 помощников, которые будут членами вашего Совета, образуйте аппарат, но только помните: во-первых, вы не обер-прокурор; во-вторых, своей деятельностью подчеркивайте самостоятельность церкви» (Там же. Л.8-10). Говоря иными словами, полковнику Карпову было рекомендовано избегать авторитарного стиля поведения, свойственного обер-прокурорам Синодального периода, и повсеместно создавать иллюзию свободы существования Церкви в советском государстве.

Вероятно, сама идея создания Совета по делам РПЦ – органа-посредника между государством и Церковью была заимствована И. В. Сталиным из парламентской практики эпохи Временного Правительства. В марте 1917 г. по инициативе депутатов Государственной Думы от духовенства совместно с представителями других фракций в Думе был образован «Совет по делам Православной Церкви». За недолгую историю своего существования Совет способствовал проведению епархиальных съездов духовенства и созыву Поместного Собора. [17, т. 9, с. 511].

Однако, усматривая сходство преобразований «нового курса» и «церковной революции» 1917 г., не будем забывать главное – ни о какой свободе и самостоятельности Церкви в советском тоталитарном государстве не могло быть и речи. Заключение такого договора с советской властью означало не только выполнение определенных функций и ролей в сталинской государственно-политической системе, но и полное подчинение Русской Православной Церкви государству и его вождю.

Сталин оказался верным своим обещаниям. Архиерейский собор открылся 8 сентября 1943 г. в новой патриаршей резиденции в Чистом Переулке. В нем приняли участие 19 иерархов Русской Православной Церкви: 3 митрополита, 11 архиепископов, 5 епископов. Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей (Страгородский) [8, с. 10]. 14 сентября 1943 г. СНК СССР принял постановление «Об организации Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР» во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. Новый орган был вписан в общую систему государственного аппарата, подведомственного Правительству СССР. (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 2).

Огромное значение происходящих событий для будущей победы было отмечено западной прессой. Так, корреспондент английской газеты «Дейли Геральд» Матьюс писал: «Изменение политики Советского Союза в отношении религии равносильно сейчас открытию второго фронта, так как у стран оси выбит козырь в деле их пропаганды против СССР якобы угнетающего религию. Кроме того, колоссальный подъем духа армии, вызванный свободой вероисповедания – все это приведет к большому сдвигу в боеспособности армии и эффективности ее действий. Этот шаг Сталина очень умный и имеет большое политическое значение» [14, с. 208].

Однако некоторые политические деятели Запада с недоверием отнеслись к происходящему и ожидали от советского правительства более убедительных доказательств последовательности своей позиции. Бельгийский посол Ван Кершов Аллебас, читая сообщения советской печати об открытии Собора, говорил: «Это все написано для нас, иностранцев, а не для русских. Это только пропаганда, которая ничего не стоит. Вот если бы Сталин дал сотни отремонтированных церквей, этим было бы сделано много... Для русских ведь все равно, чтобы не написали в газетах, так как обсуждать они все равно не будут» [14, с. 208].

Несмотря на обстоятельства военной жизни, первые шаги правительства по пути нормализации курса церковно-государственных отношений – выборы Патриарха и создание Совета по делам Русской Православной Церкви привлекли внимание значительной части советских граждан и получили позитивную оценку. Однако все было не столь однозначно. Например, по данным организационно-инструктивного отдела Московского городского комитета ВКП (б) многие работники предприятий и учреждений г. Москвы выражали недовольство действиями правительства, так как считали, что «проводимые мероприятия, связанные с церковью, являются возвратом к старому – дореволюционному времени. Делается это не по доброй воле советского правительства, а под нажимом союзников» [14, с. 243].

Крупнейшим церковным событием периода «нового курса» стал Поместный Собор Русской Православной Церкви, который проходил с 31 января по 2 февраля 1945 г. в московском храме Воскресения в Сокольниках. В нем приняли участие 46 архиереев, 87 клириков, 38 мирян. Общее число членов и гостей Собора составило 204 человека [15, с. 359].

Первый день работы Собора завершился принятием важного церковно-канонического документа – Положения «Об управлении Русской Православной Церкви», регламентирующего внутреннюю жизнь Московской Патриархии. Преамбула Положения в целом соответствовала определению Поместного собора 1917–1918 гг., констатируя легитимность Поместного собора как высшего органа церковного управления. «В Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, административная, судебная – принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому в составе епископов, клириков и мирян». (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 241. Л. 23об. – 23 об.)

Положение представляет собой достаточно лаконичный документ, состоящий из четырех основных разделов, соответствующих звеньям управленческой структуры Русской Православной Церкви: Патриарх, Священный Синод, Епархии, Приходы. Первый – определял порядок избрания, права и обязанности Патриарха; второй – состав, порядок избрания и функции Священного Синода. Третий – регламентиро-

вал деятельность органов епархиального управления: назначение архиереев, деятельность епархиального совета. Четвертый – органов приходского управления: приходского собрания, церковного совета, ревизионной комиссии [11, с. 176].

Уже первый параграф Положения, посвященный деятельности Патриарха, убеждает в том, что документ был составлен в авторитарном духе и в значительной степени противоречил ранее установленным в Русской Церкви соборным принципам церковного управления. В частности, Положение ничего не говорило о подотчетности Патриарха Собору епископов, в то время как определение Поместного Собора 1917–1918 гг. предполагало создание особого контролирующего органа за патриаршим управлением [19, с. 214].

Содержание Положения «Об управлении Русской Православной Церкви» имеет ряд существенных отличий от актов Поместного собора 1917–1918 гг. Оно не предполагало регулярный созыв Архиерейского и Поместного собора, подчеркивая значимость для его проведения внешней воли и специфических обстоятельств. Из всех коллегиальных органов церковного управления сохранился только Священный Синод, возглавляемый патриархом. В Положении «Об управлении» 1945 г. ничего не говорится о порядке включения в состав собора клириков и мирян. В Поместном соборе 1917–1918 гг. состояли по должности епархиальные архиереи, а также по два представителя от клира и по три от мирян [12, с. 198]. Кроме того, в его работе принимали участие делегаты от социальных групп, например казачества и университетской профессуры.

Принятие Положения «Об управлении Русской Православной Церкви», утверждение его государственными инстанциями было огромным шагом вперед в укреплении церковной жизни в СССР. Появление этого документа означало не только закрепление легальности церковного управления Русской Православной Церкви, но и признание советским государством канонически установленных церковных институтов и понятий: патриаршества, синода, епархии и прихода. В то же время документ выглядит противоречивым с точки зрения гражданского и церковного права. Явное несоответствие ряда пунктов Положения «Об управлении» действующему советскому законодательству о культах создавало юридическую неустойчивость документа, возможность, в случае необходимости, его быстрой отмены. О.Ю. Васильева усматривает в самом названии документа – (Положение, а не Устав) указание на временный и компромиссный характер его принятия. Нормы церковной жизни, закрепленные в Положении, не вполне соответствуют соборной практике Церкви и приспособлены под «внешние» условия [15, с. 359].

2 февраля 1945 г. участники собора приступили к выборам нового Патриарха. Все архиереи единогласно высказались – избрать тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси Патриаршего местоблюстителя митрополита Алексия (Симанского).

Поместный Собор вновь вызвал противоречивый резонанс среди населения страны. Публикация его материалов и информация о выборах Патриарха в печатных изданиях неоднозначно воспринимались гражданами, о чем свидетельствуют документы партийных органов. У многих граждан наблюдалось негативно-ироничное отношение к Собору, его организаторам и участникам. Особенно жесткой критике подвергались главные действующие лица - новоизбранный Патриарх Алексий I и Г. Г. Карпов.

Например, инженер института азотной промышленности Шапиро заявил: «Мне забавно было читать речи Карпова, что советское правительство сочувственно относилось к религиозным убеждениям с 1918 г., это совершенно не соответствует действительности. Теперь т. Карпов молится и поет многолетие вместе с «блаженнейшими епископами». Что касается патриарха Алексия, безусловно – этот «святейший» советски настроенный человек. Не исключена возможность, что одновременно с повешенным на груди крестом и медалью у него под рясой скрывается партбилет» [15, с. 371].

Электротехник колбасного завода Смирнов говорил: «Советская власть от чего ушла, к тому и пришла. Боролись с чинами и привилегиями, а теперь вновь ввела солдат, офицеров и генералов. Загоняло духовенство в подполье, а когда союзники нажали – бьет отбой...» [15, с. 373].

Руководители партийных организаций сообщали, что столь яркая демонстрация нового религиозного курса государства на Поместном Соборе повергла в шок и привела в замешательство многих членов партии. На партийных собраниях коммунисты задавали многочисленные вопросы, касающиеся будущности религии и Церкви в советском государстве, актуальности прежних антирелигиозных идеологических установок. «Религия раньше считалась опиумом для народа. Останется ли это положение? Поскольку создан комитет по делам Русской церкви и Поместный Собор, будут ли после этого внесены изменения в Конституцию СССР? Если в печати, даже в газете «Правда», стали широко популяризировать материалы Поместного Собора, то не последует ли за этим изменение в программе нашей партии об отношении к религии? Будут ли издаваться произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, направленные против религии?... Можно ли вести сейчас антирелигиозную пропаганду?» [15, с. 375].

Вызвавший неоднозначное восприятие в общественном сознании «прагматический» курс сталинской религиозной политики в 50-е гг., после смерти вождя, был дезавуирован новым лидером партии и правительства Н. С. Хрущевым. В целом период «оттепели» характеризуется беспрецедентными политическими кампаниями, в том числе обострением государственно-церковных отношений. В стране вновь развернулась небывалая по своим масштабам наступление на религиозные организации, преследовавшее цель совершенного искоренения религии из общественной и частной жизни советских граждан. «Хрущевские гонения» на Русскую Православную Церковь начались в 1958 г. и продолжались вплоть до отставки Н. С. Хрущева в октябре 1964 г.

Попытка силового государственного давления на религиозные организации и верующих является в высшей мере негативным и парадоксальным явлением «оттепели». На первый взгляд она выглядит необоснованной. В это время Русская Православная Церковь уже не занимала антагонистических позиций по отношению к советскому государству. Кроме того, общая атмосфера либерализации общественной жизни в стране предполагала предоставление гражданам больших свобод для удовлетворения религиозного чувства,

Чем же были вызваны кардинальные изменения в сфере религиозной политики государства? По мнению западного советолога Дж. Эллис, одним из главных мотивов изменения государственного курса по отношению к Русской Православной Церкви стала острая тревога в верхних эшелонах власти в связи с начинавшимся русским религиозным возрождением, которое пришлось на середину 1950-х гг. [8, с. 8].

Этот процесс проявлялся в восстановлении церковных институтов в военные и послевоенные годы, когда власть в целях консолидации общества сделала ставку на русское религиозно-патриотическое чувство. Повсеместно открывались храмы, монастыри, духовные учебные заведения, увеличивалась численность верующих и количество совершенных церковных обрядов, росли доходы Церкви [20, с. 262].

Изменению государственного религиозного курса способствовали новые политические веяния в жизни страны. В глазах партийных руководителей СССР стабильное положение религиозных организаций в послевоенное десятилетие и ровное отношение к ним со стороны государства виделось как прямое нарушение ленинских принципов в религиозном вопросе, одно из проявлений развенчанного в 1956 г. на XX съезде КПСС «сталинизма».

Однако антирелигиозный негативизм Н. С. Хрущева был связан не только с его личными антипатиями к И. В. Сталину. Прежде всего, эти лидеры советского государства имели различные взгляды на проблему государственного строительства. В послевоенные годы И. В. Сталин совершенно отказался от концепции интернациональной мировой революции и приступил к строительству государства имперского типа, где Русской Православной Церкви отводилась особая внешнеполитическая и отчасти идеологическая роль как хранительницы и проводника в массы необходимых для осуществления поставленной цели патриотических идей. Известны неудавшиеся попытки И. В. Сталина превратить Москву в мировой центр православия во главе с Патриархом Московским и всея Руси наподобие Ватикана [4, с. 159]. Роль Московской Патриархии на внешнеполитической арене возрастала в связи с тем, что ряд стран советского лагеря были исторически православными. Таким образом, религия в послевоенном СССР оказалась важным фактором осуществления не только внутренних, но и геополитических планов И. В. Сталина.

В период управления Н. С. Хрущева руководство страны продемонстрировало полный отказ от сталинских государственных воззрений. На фоне революционного романтизма и волюнтаризма, присущих новой властной верхушке, вновь ожила интернациональная коммунистическая идея, ставшая причиной агрессивной политики СССР на международной арене, раскручивания нового витка «холодной войны». Закономерно, что 1958–1964 гг. стали временем постоянной, беспрецедентной по напряженности конфронтации между Востоком и Западом. Центральными событиями этой эпопеи стали два крупнейших военно-политических кризиса – Берлинский (1958–1963 гг.) и Карибский (1962 г.), реально поставившие мир на грань новой мировой войны и ядерной катастрофы [5, с. 5].

Периоду «оттепели» были присущи многочисленные иллюзии, главной из которых стала утопическая идея решающего рывка в коммунистическое общество, где, по мнению идеологов КПСС, не было места религии вообще. Головокружительные планы коммунистического строительства, реальность которых подчеркивалась на всех уровнях, вызвали в обществе небывалый взрыв эйфории. Неадекватное состояние общественного сознания стимулировали победы, одержанные в сфере порождения космического пространства.

Сама коммунистическая идеология – идея земного рая, материального изобилия, проповедуемая КПСС и лично Н. С. Хрущевым, стала настоящим идеологическим антиподом религиозных убеждений, исповедуемых Церковью и верующими. Можно сказать, что коммунизм был идеей глубоко утопической, оторванной от ре-

альной действительности, идеей псевдорелигиозной, требующей безоговорочной и почти фанатичной веры.

По мнению исследователей, новации коммунистической идеологии неоднозначно воспринимались в народе. В силу того, что коммунизм преподносился как некий общественный идеал, наделенный сакральными признаками, 1950–1960-е гг. были наполнены разнообразными эсхатологическими ожиданиями, как у религиозной, так и нерелигиозной части людей. Некоторые воспринимали наступление конца света в виде крушения советского строя, другие – в виде окончательного построения коммунизма, так как Н. С. Хрущев с трибуны XXII съезда объявил, что коммунизм наступит через 20 лет.

К обещанной коммунистической перспективе люди относились неоднозначно. Назойливое настаивание на вере в коммунизм и его ярко выраженные религиозные архетипы интуитивно улавливались наиболее здравомыслящей частью общества и вызывали ее отторжение. В сознании некоторых инакомыслящих людей противоборство религиозной и коммунистической идей запечатлелось в весьма характерных антитезах: «Раньше нам сулили загробное царство, а теперь загробный коммунизм». «Построение коммунизма – это выдумка руководящей верхушки. Раньше попы уговаривали народ терпеть ради царства небесного, а теперь эти функции выполняют заместители начальников по политчасти и секретари парторганизаций» [10, с. 123]. Таким образом, в силу ряда особенностей коммунистической идеологии попытка ее реализации неизбежно вступала в жесткую конфронтацию с религиозным и индифферентным сознанием многих советских граждан.

Тем не менее, нужно отметить, что характерной социально-психологической чертой большинства членов советского общества 50–х гг. являлся оптимизм, вера народа в то, что трудности – временны, а их преодоление гарантирует счастливое будущее [13, с. 261]. Молодое поколение отличала идеологическая ангажированность, хотя, скорее, вербальная, чем деятельная, высокий эмоционально-психологический тонус и почти что полная удовлетворенность своей жизнью [6, с. 189–192]. Эти факторы легли в основу двух важнейших тенденций общественного массового сознания – индифферентность к религиозному мировоззрению и поиск иных духовных ценностей, что в значительной степени способствовало возникновению иллюзии возможности полного отказа от религии. Значительные слои населения, в том числе представители интеллигенции, вполне лояльно относились к намерениям властей развязать новую войну с «религиозными предрассудками». Они полагали, что можно построить в СССР справедливо устроенное, социально-ориентированное государство. Христианская идеология, как лишняя, ими отвергалась [20, с. 359].

Проблема строительства коммунистического общества неразрывно связана с попыткой культивирования нового типа идеального человека. Из социалистического сегодня в коммунистическое будущее индивид и общество должны были перейти, освободившись от «пережиточных», «анахронических» явлений, к которым советское руководство традиционно относило религию. Как видно из социологических опытов Б. А. Грушина, проводимых в период «оттепели», коммунистическими идеологами религии отводилось место в одном ряду со взяточничеством, спекуляцией, бюрократизмом, кулацким индивидуализмом, медицинским шарлатанством, подхалимажем, сплетничеством, ханжеством, национализмом [6, с. 348–355].

Не потеряли свою актуальность и традиционные взгляды на религию, выработанные антирелигиозной пропагандой в 20–30 гг. В публичных выступлениях Н. С. Хрущева обычно звучала тема религии как «дурмана религиозного опиума», затмившего большую часть советского народа, как явление, противоречащее народному просвещению и распространению научных знаний, изучению законов природы [1, с.221].

По мнению исследователя В. А. Алексеева, в эти годы распространились иллюзии, что с уничтожением религиозных убеждений общество освободится от «старого хлама – морали рабов» и быстро выработает новую, в корне отличную от прежней, «классовую мораль победителей старого мира» [2, с. 5–6].

Наступление на религию в СССР в период «оттепели» необходимо определить как возвращение к ленинским традициям революционного «октября» во внутренней политике. Однако «хрущевские гонения» в значительной степени отличались от подобных кампаний, проводимых советским государством в 20–30 гг. Существенной чертой новой войны с религией было редкое использование репрессивных мер к инакомыслящим. На этот раз основными направлениями государственного воздействия стало проводимое насильственными административными методами сокращение церковной структуры, закрытие церквей и монастырей, духовных семинарий, резкое увеличение ставки налогообложения духовенства и религиозных организаций с целью подрыва материальной базы Московской Патриархии и др. меры. Не был Н. С. Хрущев по-ленински радикален и к духовенству. Если В. И. Ленин призывал «расстреливать реакционное духовенство», а И. В. Сталин в довоенный период беспощадно подвергал духовенство массовым репрессиям, то Н. С. Хрущев только обещал «показать по телевизору последнего попа». Справиться с этой задачей без применения мер государственного террора он был не в состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.
2. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
3. Васильева О. Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40–54.
4. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.
5. Веттинг Н. С. Н. С.Хрущев и Берлинский кризис 1958-1963 гг. Политика угроз и возведения Берлинской стены. М., 2007.
6. Грушин Б. А. Три жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001.
7. Дестиваль И., свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. М., 2008.
8. Деяния Архиерейского собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. М., 1943. № 7.
9. Житенев Т. Е. Церковно-приходские школы в политике Временного правительства // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2014. № 3 (16). С. 91–100.

10. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР /Сост. В. А. Козлов, О. В. Эдельман, Э. Ю. Завадская. Под ред. В. А. Козлова. М., 2005.
11. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2005.
12. Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
13. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.
14. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг./ Сборник документов. Сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М., 2009.
15. Русская Православная Церковь XX век. М., 2008.
16. Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917– январь 1918 гг. / Дисс. ... докт. истор. наук. СПб., 2014.
17. Федоров В. А. Временное Правительство и его вероисповедная политика // Православная энциклопедия. М., 2005. Т.9. С. 510–514.
18. Филиппов Б. А. Очерки по истории России XX век. М., 2009.
19. Шимон И. Я. Отношение Советского государства и Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис... д-ра ист. наук. М., 1995.
20. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2005.
21. Эллис Дж. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Лондон, 1990.

Marchenko Alexey Nikolaevich, archpriest (Perm State National Research University)

THE EFFECTS OF FEBRUARY AND OCTOBER REVOLUTIONS ON THE RELIGIOUS POLICY OF JOSEF STALIN AND NIKITA KHRUSHCHEV

The article refers both to the changes done to the soviet religious policy and it's impact on the society during the reign of Josef Stalin and Nikita Khrushchev (1940–1960). The author discusses the correlation between religious policy of two soviet leaders and strategy of prior Interim Government and Council of People's Commissars about addressing religious concerns in 1917–1918.

Keywords: *Russian Orthodox Church, religious policy, church-state relations, soviet state, Local (National) Council, Marxist-Leninist ideology, communism.*